

в учении о возвышенном эстетическое смыкается с этическим, поскольку чувство возвышенного органически связано, по Канту, с нравственным самосознанием человека. В области возвышенного в еще большей степени, чем в сфере прекрасного, требуется от человека определенная культура и достаточно высокий уровень развития «нравственных идей» (5, 273). Кант, таким образом, провозглашает, что человек, лишь будучи нравственным существом, способен на богатые и глубокие эстетические переживания.

¹ Шефтсбери. Эстетические опыты. М., 1974, с. 209.

² Философия Канта и современность. М., 1974, с. 279.

³ Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М., 1979, с. 46.

⁴ Там же, с. 46.

⁵ Там же, с. 59.

⁶ Там же, с. 72.

⁷ Там же, с. 140.

⁸ Там же, с. 151.

⁹ Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М., 1973, с. 408.

¹⁰ Там же, с. 419.

Ю. Я. Баскин

ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ПРАВА В ФИЛОСОФСКОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ГЕРМАНИИ XVII—XVIII ВЕКОВ И ИММАНУИЛ КАНТ

Вплоть до середины XVI в. в Германии господствовали нормы римского и канонического права. Их теоретическое обоснование опиралось на юридические конструкции богословия и схоластики. Но к концу столетия события, вызванные Реформацией, серьезно поколебали эту основу, а Тридцатилетняя война довершила кризис политико-юридических институтов средневековья. «Священная империя» фактически распалась. Строить юридические конструкции на основе прежних представлений стало далее невозможным. Требовался новый подход. Его исходные положения начали формироваться в трудах И. Ольдендорпа и других философов протестантского лагеря, а затем получили свое обоснование у И. Альтузия и Г. Конринга. Последние оказались у истоков двух окончательно сложившихся в XVII в. направлений — естественно-правового и позитивного. Именно они определили развитие философии права в Германии к середине XVIII в., когда развернулась деятельность Иммануила Канта. Рассмотрим вкратце основные моменты в становлении этих течений.

1. Одним из первых решительный шаг в отделении учения о праве от его схоластической оболочки сделал С. Пуфендорф. Оставаясь еще в значительной мере религиозным мыслителем, Пуфендорф считал, что, хотя непосредственную основу общест-

венного договора составляет человеческая природа, его конечная причина коренится в божественной воле¹. Бог дал людям разум, чтобы они познали его волю и на этой основе строили свою жизнь. Отказ от схоластики привел Пуфендорфа к рационализму. Он стремился следовать дедуктивному методу Декарта и придать юридическим наукам ту же строгость и определенность, какая свойственна математике.

Учение о праве Пуфендорф строил, исходя из основных положений морали. Он считал, что право есть нравственное качество. Права и обязанности, равно как и власть, являются моральными свойствами, направленными на совершенствование человеческого общества. Основной нормой социального поведения Пуфендорф считал необходимость сохранения мира, мирное общежитие. Оно в наибольшей степени соответствует природе и целям человечества. В этом отношении он резко расходился с Гоббсом, которого почитал как выдающегося философа, приближаясь к другому своему авторитету — Гроциу². «Всякий человек, — писал Пуфендорф, — насколько это от него зависит, должен уважать и сохранять в отношениях с другими мирное общежитие, согласное с природою и целью человечества»³.

Переходя к определению закона, Пуфендорф покидает свой исходный принцип отождествления морали и права. Для него закон — внешнее ограничение человеческой свободы. Это повеление, посредством которого высшая власть обязывает подданных соотносить свои действия с ее волей. Какие бы моральные причины ни приводились в оправдание неправомысленных действий, существо дела не меняется. Закон, как высший правительственный акт, оказывается таким образом отделенным от своего основания — морального качества.

Для того чтобы преодолеть это противоречие, нужно было либо выработать другое понятие закона, либо отказаться от отождествления права с моралью. Последний путь оказался предпочтительнее, и по нему пошел Хр. Томазий.

Томазий был первым немецким философом, публиковавшим свои сочинения на родном языке. Ему же принадлежит заслуга издания в Германии научного журнала. Отделив право от морали, Томазий преодолел двойственность и непоследовательность взглядов Пуфендорфа. Он пришел к выводу, что основу естественного закона составляет правило: «Не делай того, чего не хочешь, чтобы тебе делали другие». Этот принцип, по его мнению, основан на присущей людям взаимной любви, как высшей человеческой страсти. Любовь определяет и правду, как добродетель. Последняя носит внешний характер и поэтому может быть принуждаема. Именно посредством категории «правда» Томазий одновременно разграничивает право и мораль, сохраняя между ними связь.

Применительно к положительному праву основная норма трансформируется в предписание, согласно которому разум

способен посредством воли принуждать другое лицо к совершению определенных действий или воздержанию от них. Такое принуждение необходимо, так как большинство людей по природе своей глупы. Они нуждаются не только в совете, но и повелении. Последнее и осуществляется посредством юридических норм.

Познанная посредством разума правда выражается, по Томазию, в трех основных принципах, которым соответствуют категории: чести (честного) — сохранение внутреннего мира посредством умерения страстей; достоинства — требование соблюдать внешний мир путем поддержания миролюбивых отношений друг с другом — и правомерного — требования не нарушать внешний мир (мирное общежитие), воздерживаясь от любых действий, могущих его нарушить⁴. Последний из указанных принципов составляет основу права. Два первых относятся к области морали.

Так были заложены в Германии основы естественно-правовой теории, в значительной мере эмансипированной от религии.

Весьма отличной от Пуфендорфа и Томазия была роль в развитии права Г. В. Лейбница. Известно, что он почти не оставил после себя работ, специально посвященных праву. Его сочинение «Научный метод изучения и обучения юриспруденции» было написано в юношеские годы, а предисловие к собранию дипломатических актов содержит лишь краткий анализ проблемы. И тем не менее влияние Лейбница на европейскую юридическую науку оказалось весьма значительным. В плане методологическом наибольшее значение имело учение Лейбница о монадах. Его исходные положения⁵, будучи применены к обществу, утверждали самостоятельность и независимость личности как субъекта права. Следует согласиться с выводом Г. Ленца, который пишет, что у Лейбница человек — более не подданный, который должен следовать воле князя, но буржуа, служащий ему в силу того, что необходимость этого признает разум⁶. Но Лейбниц при этом возвращается к религиозно-философской трактовке права, вновь сближая его с моралью. Для Лейбница основу естественного закона и права составляет любовь, управляемая мудростью. Само естественное право делится при этом на три ступени: право в строгом смысле слова (его принцип — «никому не вреди»); право справедливости («каждому свое») и высшее право («живи достойно»)⁷.

Трактовка права, как выражения любви и мудрости, конечно, была далека от реальности. Но она соответствовала учению Лейбница о всеобщей гармонии: благо других монад становится благом каждой. Применительно к обществу это означало, что благо других людей есть благо каждого человека. И. С. Нарский пишет: «И вообще монады рассматривались и описывались Лейбницем по аналогии с человеческими «я»...»⁸. Такая постановка была логична с точки зрения исходных философских по-

сылок, но зато крайне уязвима в плане практически правовом. Может быть, поэтому Лейбниц и не решился применить ее сколько-нибудь широко к анализу реальной правовой действительности. Эту задачу постарался осуществить Хр. Вольф.

Хр. Вольф был очень популярен не только у себя на родине, но и в других странах (в том числе в России). И это при том, что он был «усердный труженик, но далеко не глубокий и не сильный мыслитель»⁹. В чем же секрет такого успеха Вольфа? По общему мнению, он заключался в его даре систематизатора и фундаментального, скрупулезно подробном изложении любой проблемы, т. е. качествах, которых так недоставало его великому предшественнику.

Восприняв основные идеи философии Лейбница, Вольф вместо любви, как основания права, вернулся к более простому и убедительному его истолкованию. Основа права — разум, проистекающий из природы людей. Основной принцип естественного права — «делай то, что совершенствует тебя и твое положение в обществе»¹⁰. Норма эта носит обязательный характер и подлежит всеобщему применению. Признавая наличие естественных законов и естественного права, Вольф значительно больше внимания уделяет праву позитивному. Его наличие он объясняет тем, что большинство людей не способны самостоятельно ни понять естественного права, ни следовать ему. Положительное право не должно в принципе противоречить праву естественному. Но Вольф допускает и даже утверждает необходимость подчинения воле законодателя, если она не согласуется с требованиями естественного права.

Сущность положительного права выводится Вольфом из понятия обязанности. Право — это свобода деятельности на основании и в соответствии с указанием закона. Обоснование права через обязанности достаточно парадоксально. Можно согласиться с мнением Л. С. Момута, что «эта интерпретация смысла положительных законов Вольфом играла на руку государям, которые были заинтересованы в том, чтобы отмерять своим подданным свободу такими порциями, которых хватило бы только для реализации их долга перед государством»¹¹. Но сам Вольф вряд ли просил о «жесткой правовой регламентации общественной и личной жизни».

Естественное право, по мнению Вольфа, можно отождествить с моралью; право позитивное с ней не совпадает.

Господство естественно-правовых взглядов в немецкой философии XVII—XVIII вв. оказало существенное воздействие на область юриспруденции в собственном смысле слова. Особенно характерен в этом отношении И. А. фон Икштадт. Методологически он во многом следовал Вольфу¹². Но в отличие от последнего защищал либерально-демократические идеалы. Икштадт считал, что все граждане (подданные) должны привлекаться к исполнению власти, так как на основании первоначального

договора верховная власть принадлежит его участникам и только практическая неосуществимость прямого народоправства вынуждает заключить дополнительное соглашение о делегировании и формах осуществления власти. Поэтому государь должен быть ограничен законами, которые выражают всеобщую волю. Именно она является действительным основанием права. Государство — единая моральная персона. Поэтому законы (позитивное право) оказываются основанными на общности морали и опираются на нее, имея своим источником волю народа: «Князь подчинен воле народа, а не народ воле князя»¹³.

Вплоть до конца XVIII в., когда выступил Г. Форстер, взгляды Икштадта на право были наиболее радикальными.

Другой юрист, который испытал на себе сильное влияние философии естественного права, — К. Г. Сварец. Во «Введении к изучению права», вышедшем в свет в 1791 г., он писал, что каждый человек обладает стремлением к счастью. На этом и покоится естественное право¹⁴. Смысл же позитивного права заключается в том, чтобы, следуя праву естественному, обеспечить каждому счастье, сохранность имущества, возможность достойного применения своих сил и способностей. К сожалению, по мнению Свареца, большинство уклонилось от этих правил и для их реализации приходится прибегать к силе государственной власти. Интересно, что Сварец сформулировал при этом принцип, предвосхищавший взгляды Канта. Он утверждал, что задача государства — обеспечить положение, при котором свобода каждого члена общества сочетается со свободой всех других¹⁵. Ограничение такой свободы посредством норм позитивного права возможно лишь для обеспечения безопасности личности и ее имущества от внешнего покушения.

2. Как ни велико было влияние философских идей, оно не могло полностью удовлетворить потребности юридической практики, которая имела свои проблемы, связанные с изучением и применением действующего, позитивного права. А трудности здесь были немалые. Политический кризис, вызвавший фактический распад Германской империи, породил недоверие к догмам римского права. Множественность немецких государств породила партикуляризм правовых норм, углублявшийся широким развитием обычая. Возникла острая необходимость преодолеть эти противоречия и восполнить связанные с ними пробелы. Для этого требовалась систематизация действующего права и совершенствование законодательства. Но последнее было невозможно без всестороннего и скрупулезного изучения самих норм. Как ответ на эти требования и сложилось позитивное направление. Его первые представители не порывали полностью с идеями естественного права, но оно с самого начала заняло у них подчиненное место.

Характерны в этом отношении взгляды Г. Конринга. Признавая наличие естественного права, имеющего своим источни-

ком божественный разум, он сосредоточил свое внимание на изучении истории и догмы позитивного права. Конринг не отрицал полностью значение римского права, но постоянно подчеркивал, что его буквальное перенесение на немецкую почву не должно иметь места. Любимым девизом Конринга было: «Нам нужны новые законы, немецкие законы!»¹⁶. Возможно, что критическое отношение Конринга к римскому праву определялось и мотивами политическими. Он был противником Габсбургов, в лице которых видел препятствие к утверждению национального суверенитета отдельных княжеств, а следовательно, ущемление их государственного интереса (Staatsrä-sok) — центрального понятия в его учении о политике. Но сам Конринг неоднократно подчеркивал необходимость отделить учение о праве именно от политики. Он выдвинул мысль, ставшую в дальнейшем краеугольным методологическим принципом позитивного направления: знание о действующем праве не должно касаться вопроса о его целях и смысле (последнее — дело философии). Задача юриспруденции — толкование норм права как таковых, ибо «правильное государство не должно прибегать к неправильным методам»¹⁷. Правда, сам Конринг далеко не всегда следовал этому принципу. Но уже в следующем столетии он оказался весьма распространенным. Достаточно указать на И. Я. Мозера.

И. Я. Мозер решительно отделил учение о праве от философии и видел свою задачу в систематизации и толковании действующих норм, а также в изучении истории их возникновения. Такой подход был им применен не только к праву внутригосударственному, но и к международному. Не случайно его постоянно называют в числе основоположников позитивного направления «права народов». При этом взгляды Мозера часто подвергаются негативной оценке. В них видят пример крайнего догматизма или формализма. Но согласиться с этим, особенно в исторической перспективе, нельзя. Отказ от философского обоснования права, при всех его недостатках, имел в то время несомненный резон — необходимо было не только провозглашать исходные принципы (к тому же зачастую далекие от реальной практики), но и обратиться к жизни. Не только критиковать ее на основании пусть справедливых, но достаточно умозрительных настроений, но и окунуться в гущу юридических реалий. Без этого нельзя было сознать научное представление о праве. И вклад в это дело И. Я. Мозера несомненен и значителен. Всю свою долгую научную жизнь (он опубликовал первое сочинение в 17 лет, а последнее — в 84 года!) Мозер стремился к реализации принципа «Ex facto oritur ius»¹⁸. Эти идеи первоначально поддерживал и его сын — Ф. К. фон Мозер. Но в дальнейшем увлечение философией привело его ко все большему сближению права с политикой и моралью¹⁹.

Зато Стефан Пюттер целиком отдался изучению истории и догмы германского права. Он пользовался широчайшей известностью и авторитетом во всех немецких государствах. Роберт фон Мольте пишет, что Пюттер «составлял славу Геттингена»²⁰, в университете которого он проработал много лет. Правда, и Пюттер признавал некоторые положения естественного права, но он исходил из того, что оно может быть применимо лишь там, где нет ясно выраженных позитивных норм. Как мы видим, роль естественного права у Пюттера существенно отлична от той, которая признавалась перед ним в философии. Это уже не основание и не критерий права позитивного, но его дополнение или восполнение. Не случайно, по мнению Пюттера, естественное право в наибольшей мере связано с правом международным²¹.

В дальнейшем идеи позитивизма получили широкое применение именно у немецких юристов-международников Г. Ф. Мартенса и И. Л. Клюбера. Оба они весь пафос изложения переносят на изучение действующих норм. Клубер подчеркивал, что к естественному праву следует прибегать только в крайних случаях, когда «право положительное окажется недостаточным»²².

Несколько особняком от представителей позитивного направления стоял Ю. Мезер. Сосредоточив свое внимание на истории права, он полагал, что «золотой век» немецкой нации коренится в древнегерманских свободных учреждениях. Это, однако, не мешало ему весьма трезво судить о современности. Мезер понимал, что общество разделено по имущественному признаку, что государство не есть просто союз равных, основанный на договоре, но представляет собой союз собственников, точнее — земельных собственников. Понимание зависимости политических и правовых отношений от отношений имущественных только начинало пробивать себе дорогу в Германии. Поэтому важно отметить, что Мезер именно на этой основе строил свое понимание права. Он разделял его на две категории: право действительное, способное эффективно регулировать отношения в обществе, и право формальное. Эффективность последнего зависит от его соответствия действительному праву²³. Не отвлеченные естественные права, а собственность образует для Мезера основу права²⁴.

Таковы были, в самых кратких чертах, идеи двух основных направлений в немецкой философии и юриспруденции к тому времени, когда к проблемам сущности права обратился Иммануил Кант. Приведенный обзор позволяет прийти к выводу, что позиции школы естественного права оказались уже существенно поколебленными. Позитивное направление, не отрицая его полностью, отводило естественному праву, несомненно, подчиненную роль. Начало складываться мнение, что право — это явление, в отношении которого государство не является первоосновой. Государство есть лишь гарант права. Была выдвинута

мысль об отличии права от морали. Более того, на место морали и всеобщего согласия, как основания права, начинает выдвигаться понимание того, что в основе права лежит собственность. Все это в большей или меньшей степени было известно Канту.

3. Что же нового внес Кант в разработку этой проблемы? Общеизвестно, что он был сторонником учения о естественном праве. Для этого имеются большие основания. Кант много писал о его сущности и значении. Но следует обратить внимание на то, что идея естественного права выступает у него в тесной связи с пониманием принципиального различия законов природы и общества. Это противопоставление основано на трети из основных антиномий (3, 418—419): «Тезис: Причинность по законам природы есть не единственная причинность... Для выяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность. Антитезис: Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы».

В дальнейшем Кант часто употреблял понятие свободного произвола²⁵. Но не в этом суть дела. Важно сразу же подчеркнуть — Кант отчетливо понимал, что природное и социальное не совпадают и не могут совпадать.

Приведенная антиномия тесно связана с пониманием Кантом сущности человека как противоречивого единства природного²⁶ и морального. Следовательно, естественные права человека не есть собственно природные. Они в первую очередь права социальные, порожденные обществом. Тогда возникает вопрос: в чем смысл самого названия? Для Канта он, скорее, нарицателен. Если право социально (см.: 4, 152), то права естественны только в том смысле, что они необходимы (причинно обусловлены, «природно» причины). Свободный произвол невозможен и неосуществим без наличия неотъемлемых прав. Там, где нет естественных прав, там нет и не может быть свободного общества. Поэтому естественные права качественно отличны от позитивных. Они, по терминологии Канта, есть частные права, т. е. не нуждающиеся во внешнем обнародовании (см.: 4 (2), 116). Это — своего рода мостик, переход, связующий внешнее (т. е. право) с моралью, как с внутренним. Как видим, Кант снимает противоречие, присущее Пуфендорфу. Средством к этому оказывается «свободный произвол», а также отличная от предшествующих философов и юристов трактовка сущности естественного права.

Разрушив попытки своих предшественников отождествлять право и мораль, Кант вместе с тем их не разрывал. (И хотя он приписал основным моральным нормам абстрактный и вневременной характер, это в данном случае не меняет дела.) Не только разграничив мораль и право, но и достаточно убедительно обосновав это разграничение, Кант получил возможность определить публичное право как «совокупность условий,

при которых произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» (4 (2), 139). Обратим внимание на сам термин «совокупность условий». Он весьма важен, так как вновь подчеркивает, что право есть именно условие (предпосылка) свободы каждого лишь в рамках и в зависимости от свободы всех.

Вполне понятно, что основной принцип права, всеобщий правовой закон гласит: «...Поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразно со всеобщим законом» (4 (2), 140). Как видим, Кант был первым из немецких мыслителей, который определил право не просто через понятие юридической свободы (как у Сварца), но через понятие свободы в философском плане. Часто встречающееся у Канта подчеркивание «внешнего» не должно нас смущать. Ведь право действительно основано на внешнем. Оно всегда объективировано. Как выражение государственной воли право внешне для каждой личности. В известном смысле — и для общества в целом. Формы и методы обеспечения права (во всяком случае) тоже носят внешний характер. Конечно, в идеале правовое сознание и исполнение (применение) норм позитивного права по своему содержанию едины. Но это лишь идеал. Когда он достигнут, возникает вопрос об отмирании права, о его превращении в «простые нормы человеческого общежития». Но достижение такого идеала в обществе «злых» людей невозможно.

Признав право основополагающим внешним социальным институтом, Кант как бы перевернул сложившееся к его времени понимание в соотношении государства и права. Для него государство — не создатель права, но учреждение, обеспечивающее нормальное функционирование права. «Государство (*civitas*), — писал он, — это объединение множества людей, подчиненных правовым законам» (4 (2), 233). Оставаясь на позициях права естественного, Кант обогатил его идеями позитивной школы. Не случайно он писал, что «не право к политике, но, напротив, политика всегда должна применяться к праву»²⁷.

Своей идеей «правого государства» Кант стремился создать узду против произвола государей. Его позиция в этом вопросе существенно отличается от взглядов Вольфа и многих других современников. Если для Вольфа люди глупы, то для Канта они умны. Если Вольф призывает к покорности, то Кант признает сопротивление! Выступая против государственного произвола, Кант ратовал не просто за соблюдение законности (ведь и произвол при известных условиях может стать «законом»), но именно о законности, основанной на свободе каждого. Конечно, в том ее достаточно абстрактном и формально-буржуазном плане, какой она была и не могла быть иной для Канта — философа буржуазного, XVIII века. В это время, «будучи не в силах завоевать политическую власть и подчинить деятель-

ность государства своим интересам, буржуазия старалась с помощью права ограничить деятельность абсолютистского государства»²⁸. Подобные стремления, взятые в их абстрактной форме, и приводили к тому, что право провозглашалось основанием государства. Идея «правового государства» стала одним из источников юридического мировоззрения.

Наконец, нельзя не отметить, что для Канта право при всей его «внешности» необходимо обществу не менее, чем мораль. Без права невозможно приближение к категорическому императиву практического разума, так как целью развития является «достижение всеобщего правового гражданского общества. Только в обществе, и именно в таком, в котором членам его представляется величайшая свобода..., может быть достигнута высшая цель природы: развитие всех ее задатков, заложенных в человеке» (6, 12—13). Без права невозможен прогресс человечества, которого Кант страстно желал и в который он твердо верил.

¹ Поэтому неправ Б. Чичерин, писавший о «чисто светских» основаниях философии права Пуфендорфа (см.: Чичерин Б. История политических учений. М., 1903, с. 137. Т. 2).

² О трактовке этого вопроса Г. Гроцием см.: Нерсисянц В. С. Право и закон. — М.: Наука, 1983, с. 218.

³ Samuelis Pufendorffii de jure naturae et gentium libri octo. Francofurti ad Moenum. 1684, p. 208.

⁴ Christiani Thomasiai fundamenta iuris naturae et gentium... Hallae. 1713, p. 96.

⁵ См.: Лейбниц Г. В. Избранные философские сочинения. М., 1908, с. 362—364.

⁶ См.: Lenz G. Deutsche Staatsdenker im 18. Jahrhundert. Neuwied, 1965, S. 133.

⁷ Подробнее об этом: Bluntschi J. K. Geschichte der neueren Staatswissenschaft, allgemeines Staatsrecht und Politik seit dem 16. Jahrhundert bis zum Gegenwart. München und Leipzig. 1881, S. 175.

⁸ Нарский И. С. Западноевропейская философия XVII века. — М.: Высшая школа, 1974, с. 305.

⁹ Коркунов Н. История философии права. СПб, 1908, с. 191.

¹⁰ См.: Institutiones iuris naturae et gentium... Autore Christiano L. B. de Wolff. Hallae Magdeburgiae. 1750, p. 22.

¹¹ История политических и правовых учений/Ред. В. С. Нерсисянц. — М.: Юридическая литература, 1983, с. 202.

¹² Krech F. Leben und Werk des Reichsfreiherrn Johann Adam von Ickstatt. Paderborn. 1974, S. 134.

¹³ Krech F. Op. cit., S. 141.

¹⁴ Lenz G. Op. cit., S. 262.

¹⁵ Это мнение разделял и другой юрист XVIII в. — И. Г. фон Юсти (см.: Lenz F. Op. cit. S. 329).

¹⁶ См.: Wolf E. Grosse Rechtsdenker der deutschen Geistesgeschichte. Tübingen. 1939, S. 181.

¹⁷ Lang W. Staat und Souveränität bei Herman Conring. München. 1970. S. 17—18.

¹⁸ Rürup R. Johann Jacob Moser. Pietismus und Reform. Wiesbaden. 1965, S. 101.

¹⁹ См.: Государь и Министр. Книга, сочиненная господином Мозером, с немецкого языка переведена Артиллерии капитаном Яковом Козельским. Спб., 1776, с. 120, 136, 146.

²⁰ Mohl von R. Die Geschichte und Literatur des Staatswissenschaften in Monographien dargestellt, Bd. II. Erlangen. 1856, S. 426.

²¹ Lenz G. Op. cit., S. 340.

²² Новейшее Европейское Народное право Иоанна Людвика Клюбера. М., 1828, с. 6.

²³ См.: Bluntschli J. K. Op. cit., S. 471—472.

²⁴ См.: Lenz G. Op. cit., S. 288.

²⁵ См.: Жучков В. А. Гносеологическая сущность кантовского учения о свободе. — В кн.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1977. Вып. 2, с. 49—52.

²⁶ Конечно, не следует забывать, что под природой Кант понимает «совокупность чувственно данного, систематизированного согласно априорным принципам рассудка» (6, 222; примечание А. В. Гулыги).

²⁷ Кант И. Трактаты и письма. — М.: Наука, 1980, с. 296.

²⁸ История буржуазного конституционализма XVII—XVIII вв./Ред. В. С. Нерсесянц и др. — М.: Наука, 1983, с. 228 (автор главы — В. В. Кизяковский).

И. С. Андреева

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОЛОГИ И РЕЛИГИОВЕДЫ О ФИЛОСОФИИ КАНТА

Важным фактором, объясняющим внимание теологов и метафизиков к проблемам религии у Канта, является их потребность обосновать свой предмет не только как науку, но и как такую теорию, которая обнимает собой абсолютные определения сущности и существования. Так называемая частная метафизика пытается опереться на Канта в своих рассуждениях о мире, боге, бессмертии души и пр., приспособлявая его идеи к собственным нуждам. Религиоведы, исследующие историю философии религии, трансформацию взглядов на религию в истории духовного развития, также не могут пройти мимо кантовской философии религии.

Проблемы рациональной теологии и философии религии вычлняются из здания системы Канта весьма произвольно, подчас учиняется настоящее насилие над текстом. Многие из интерпретаторов метафизически-религиозной ориентации претендуют на более глубокое и даже лучшее понимание Канта, чем кто бы то ни был, и даже сам Кант. Критицизм Канта, по их мнению, содержит не только имплицитную, но и явную религиозно-метафизическую нагрузку, сам Кант был выдающимся теологом, а его критические работы имели одну цель — обосновать наличие абсолютной сущности и освободить место вере. При этом, естественно, тексты Канта бесстыдно вырываются из их содержательных связей, препарируются те из них, которые не годятся для обоснования метафизики и религии.

Такова судьба кантовской попытки разрушить притязания догматической метафизики и соответствующих ей религиозных представлений. На эту тему внимания не обращают. Зато всячески подчеркивает кантовское обещание построить новую метафизику и много усилий тратят на то, чтобы найти не только